

Огромный вклад в концептуальное развитие постметафизики сделан Жаком Деррида, Фредериком Джеймисоном и Ричардом Рорти. Первый обосновывает постметафизическую методологию, именованную им грамматологией. Второй обосновывает новые постметафизические основания, такие как пастиш и шизофрения вместо метафизических оснований субъективности и спекулятивности. Третий обрушивается на эпистемологию и метафизику, доказывая их несостоятельность. Именно по этим обстоятельствам, а также в связи с тем, что Рорти обосновывает иную метафизику, рассмотрение его дискурса является крайне важным. Новое ядро философии должно строиться не исходя из существования истины, а исходя из трактовок. Такую трансформацию отношения к критерию истинности сам Рорти называет антикантианской революцией, потому как идёт покушение на многовековую доминирующую традицию поиска истины.

Отсюда предоставляется возможность закрепить за постметафизикой право стать полноценной философской категорией (*предельно общее понятие, выражающее наиболее существенные отношения действительности*).

Литература:

1. Аристотель. Метафизика: Переводы. Комментарии. Толкования / Аристотель. – Киев: Эльга, СПб.:Алетейя, 2002. – 832 с.
2. Габермас Ю. Постметафізичне мислення / Ю. Габермас [Пер. з нім. В.Купліна]. – Київ: Дух і Літера, 2011. – 280 с.
3. Хайдеггер М. Основные понятия метафизики / М. Хайдеггер // Время и бытие / М. Хайдеггер. – М., 1993 – С. 327 – 344.

Ярлыкова Марина Павловна
Соискатель кафедры философии
Государственного ВУЗ
«Национальный горный университет»

ГЕНИЙ И БЕЗУМСТВО В КОНТЕКСТЕ ЭТИКИ ОТНОШЕНИЯ К ТРАНСЦЕНДЕНТНОМУ

Безумство и гений с давних времен принято считать параллельными модусами проявления иррационального аспекта бытия. В виду этого релятивистские концепции о природе гения часто используют эти понятия как смежные, а иногда и тождественные. В то время как их разграничение лежит в области базового отношения к миру и, соответственно, этики освоения трансцендентного опыта. Любовь приводит к единению с иррациональным, к принятию его примата по отношению к ограниченному сознанию; позволяет

установить доверительное и благоговейно-бдительное отношение к трансцендентному; осуществляет синтез сознательных и бессознательных содержаний. Страх, напротив, отрицает бессознательный аспект и стремится к удержанию приоритета «рационально» выстроенной фантазии о мире любыми средствами. Таким образом, границы безумия прафанного и безумия гениального становятся достаточно различимы. Безумство ведет к разделению и хаосу, установлению власти над миром посредством своеволия. Гений же, напротив, стремится к синтезу на основе высшего принципа единства. Исток и того и другого явления един, в связи с чем указанные феномены часто имеют сходные манифестации. Однако, причины содержательных отличий рассматриваемых феноменов коренятся не в истоке, а в качестве отношения к иному. То есть, глубина осмысления и соответственно объективность рациональных моделей знания опосредована отношением к познанию. «Добродетель и святость исходят не из рефлексии, а из внутренней глубины боли и ее отношения к познанию» [1, 121]. Интуиция целостности и единства, предвосхищает рефлексивную деятельность объективной мысли гения и руководит ею, поскольку сама в себе она не содержит логических противоречий. Тогда рациональная мысль может вместить в себя все бытие, не отторгая его изменчивый и страдательный модус, но сообразуясь в суждении о нем с принципом целостного единства сущего. Смысл, значение и ценность каждой части полагается в пределах субстанциональной целостности; она может быть дана только сразу, она не может быть выстроена задним числом из осколков рефлексивной мысли или бессвязной фантазии.

В дуалистически разделенной парадигме восприятия, мир предстает как арена противоборствующих сил. Обусловленная фрагментарным восприятием субъекта свобода воли приобретает детерминированный относительный характер, реализуя себя через отрицание или неприятие условно негативного аспекта. Но в творении гения противоборствующие силы приобретают устойчивую гармонию в диалектике единства противоположностей и, таким образом, гениальное произведение достигает совершенства в объективности отражения множественных модуляций единосущной природы. Произведения гения убеждают в том, что феноменальный мир не противопоставляется сущности, которой полярно противостоит только привычка рационального мышления. Подлинная природа гения выражается в органичном соединении противоположностей, которое, опосредовано, проявляется в его работе. Интуитивное предвидение единства противоположностей в предмете внимания, достижение органичного синтеза материи и духа в созерцании, приведение в гармонию противоположных сил в материале творчества является для гения целью и мотивацией его действия. Мысль гения становится вещью, в то время как мысль безумца остается галлюцинацией вещи, ее призраком, идеей без

основания в бытии. Безумец приводит мир к тождеству с его галлюциногенной реальностью. Гений приводит себя к тождественности со всей полнотой мира. Таким образом, мировоззрение человека посредством необходимости страдания от ограниченной обусловленности восприятия мира претерпевает качественное необратимое изменение, регрессируя до патологии или прогрессируя за счет переосмысления знания о мире и его расширения. От среднестатистической нормы человека и безумца и гения отличает только то, что и первый и последний выходят за границы относительной нормы.

Литература:

1. Шопенгауэр, А. Мир как воля и представление [Текст] / Пер. с нем. Ю.И. Айхенвальд / А. Шопенгауэр. – Мн.: Харвест, 2011. – 848 с.